

В ГОСТЯХ У МАКСИМА ГОРЬКОГО

Огромная ответственность ложится на того, кто берется руководить спешным воплощением образов, созданных Горьким. И очень трудно облечь эти образы в плоть и кровь, заставить их по-настоящему жить без помощи и советов создателя их — самого Горького. Эта помощь просто необходима.

Поэтому те редкие встречи с Горьким, которые мы имели, являлись значительнейшими событиями в нашей работе над его пьесами.

В двух встречах с Алексеем Максимовичем (по „Бульчеву“ — весной 1932 г. и по „Достигаеву“ — нынешней осенью) мы, рассказывая подробнейшим образом план постановки, наше понимание образов действующих лиц, знакомя Алексея Максимовича с принципами художественного оформления спектакля, — хотели получить от него подробный „критический разбор“ нашего плана; мы ждали ответа на ряд вопросов, волнующих исполнителей главных ролей в „Бульчеве“ „Достигаеве“. Длительная беседа с Алексеем Максимовичем вполне оправдала наши ожидания. Остановимся на наиболее значительных вопросах, затронутых в нашей беседе.

Мы не можем нашу работу над „Достигаевым“ оторвать от того, что было уже сделано нами в „Бульчеве“. Поэтому нам казалось необходимым получить от Алексея Максимовича оценку некоторых принципов, руководивших нами в работе над „Бульчевым“.

Мы задали Алексею Максимовичу два вопроса.

1) Каковы масштабы, какова значительность обрисованной в „Бульчеве“ купеческой среды? Нашему театру казалось, что в лице Бульчева мы имеем дело хотя и с купцом выскочкой, купцом из приказчиков, но все же выскочкой в крупное, даже крупнейшее купечество, купечество, задающее тон, руководящее в показанном в пьесе городе. Отсюда шло очень много черт, отличающих наш и вахтанговский спектакль. Там это понималось, видимо, иначе.

2) Мы, следуя полученным ранее указаниям Алексея Максимовича, отказались от точного определения названия города, где происходит действие, „Бульчева“ (у вахтанговцев — Кострома).

Отсюда — отказ наш от местных говоров или говорков, „оканья“ и „аканья“. Мы хотели обобщить, отвлечь действие от определенного местного колорита. Кроме того, применение местных говоров нам казалось и художественно неверным.

На первый наш вопрос Алексей Максимович ответил, что предлагаемая

нами трактовка среды кажется ему вполне возможной и может быть перенесена и далее на „Достигаева“.

По вопросу о применении местных говоров Алексей Максимович сказал, что он и сам является противником этого. Речь персонажей его пьес (Бульчев и Достигаев) рассчитана на обычное так называемое „московское“ произношение (исключение — Павлин).

Перейдя к нашей работе над постановкой „Достигаева“, мы продемонстрировали Алексею Максимовичу макеты декораций. При обсуждении макета Алексей Максимович предложил сделать некоторые изменения, исходя из требований большей простоты и строгости оформления, а также большего соответствия его содержанию отдельных актов. На основе

этих предложений театр заново перерабатывает макет (художник В. Люце).

Алексей Максимович указал, что, сценически расшифровывая „Достигаева“, мы должны подходим к пьесе как к комедии. Смех, живое и быстрое течение действия — необходимое качество будущего спектакля:

— „Не такое было время, чтобы изображать его спокойно и медленно...“, — говорит А. М.

В дальнейшей беседе нам удалось уточнить и выяснить подробности биографий остальных персонажей „Достигаева“.

Мы получили от Алексея Максимовича многое. Постараемся, чтобы наша работа над „Достигаевым“ была поднята до уровня мастерства Горьковских пьес.

В. ЛЮЦЕ